

ЭДЕЛЬМАН Д. И.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
МОРФОЛОГИИ ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ

В ходе сравнительно-исторического изучения как иранской языковой семьи в целом, так и входящих в нее отдельных групп и единичных языков, возникает целый ряд вопросов не только собственно ирановедческих, но и общих, методических, часть которых, как представляется, может оказаться существенной и при исследовании истории других языковых семей (особенно — входящих в индоевропейскую макросемью). Методические проблемы сравнительно-исторического анализа иранских языков давно привлекали внимание исследователей (обзор основных вопросов см., например, в [1—2]); некоторые аспекты этой проблематики рассматривались также в связи со сравнительно-историческим изучением фонетики и фонологии иранских языков [3—5; 6, с. 8—20, 203—217 и др.]. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотрения определенных вопросов, связанных со сравнительно-историческим анализом морфологического уровня этих языков. В рамках небольшой статьи естественно ограничиться обзором отдельных моментов, существенных для истории иранских языков: 1) возможности и приемы реконструкции морфологического уровня праязыковой системы в целом; 2) поиски морфологических черт, подкрепляющих противопоставление западноиранских и восточноиранских языков (отчетливое на фонологическом уровне); 3) уточнение характера взаимодействия языковых уровней и выявление причинно-следственных связей в перестройке морфологии от праязыковой системы к системам конкретных языков.

Решение этих вопросов представляет немалые трудности уже в силу специфики самого материала иранских языков. Разбросанность последних на обширном пространстве, их различные по времени и по степени глубины контакты между собой и с другими языками (включая те, которые составили субстрат), вхождение в разные языковые союзы и т. п., — обусловили целый комплекс одновременных трансформаций (структурных и понятийных) неспокойного происхождения. При этом даже спонтанные изменения допускают зачастую неоднозначную трактовку. К тому же они не всегда могут быть выявлены из-за скудости и фрагментарности письменных памятников, их жанровой неоднородности и несинхронности для разных языков, а также из-за невозможности проследить историю подавляющего большинства иранских языков по письменным свидетельствам, поскольку, как правило, языки памятников не имеют прямых потомков среди живых языков, а живые — письменной фиксации в существенно удаленном прошлом. Единичные «прямые» линии развития: 1) древнеперсидский → среднеперсидский → классический персидско-таджикский → современные персидский, таджикский, дари, 2) согдийский → ягнобский, — исключения. К тому же и они на разных этапах развития представляют продолжения несколько различающихся диалектных систем.

Вместе с тем несомненная принадлежность иранских языков к индоевропейской семье и продолжение в них части доисторических арийских (индоиранских) диалектов а priori предполагают в их древних состояниях, в частности, в общеиранском, — систему, являющуюся наследницей общеиндоевропейской.

При таком материале «прямая» сравнительно-историческая реконструкция праязыкового морфологического уровня (как и фонологического), — будь то праязыковый период для всей семьи или для одной из групп, — если она базируется только на данных конкретных иранских (как, впрочем, и любых других) языков, — будет ущербной. С одной стороны, она связана с риском спроецировать в прошлое инновации (включая и ареальные «мутации» контактного происхождения, и результаты поздних типологических трансформаций). С другой стороны, она заведомо не дает возможности восстановить древнюю богатую флективную систему, если эта система (вся или частично) была утрачена в ходе последующих структурных трансформаций. То же относится, естественно, и к процессу внутренней реконструкции древнего состояния отдельных языков.

Эти свойства самого иранского материала вынуждают обратиться к иным приемам реконструкции. Как показал уже опыт сравнительно-исторического изучения фонетики и фонологии иранских языков, в этих условиях наиболее результативными оказались приемы «промежуточной» реконструкции — установления системы определенного промежуточного этапа между ранней системой, с одной стороны, и системами конкретных языков, — с другой. В качестве ранней системы может выступать: общеиндоевропейская (и общеарийская) — для реконструкции общеиранской системы, последняя — для реконструкции прасистемы группы родственных языков и т. д. Верифицирующими свидетельствами служат при этом данные других и.-е. языков, в первую очередь — генетически близкого — древнеиндийского. Реконструированные с помощью этих приемов общеиранская система и общее состояние восточноиранской группы на фонологическом уровне позволили в свое время выявить не только их основные синхронные характеристики, но и определенную ареальную и хронологическую стратификацию праязыка, заложенные в нем фонетические тенденции к дальнейшим фонологическим трансформациям, а также наметить следы субстратных воздействий на диалекты праязыка, ряда древних изоглосс, не нашедших отражения в последующей дивергенции языков, и т. д. Эти приемы позволили также установить случаи воздействия морфологической парадигмы на «сброс» историко-фонетических изменений и другие «нестандартные» линии развития фонологии [3—5; 6, с. 8—20, 25—26, 55—57, 84—85, 107—110, 203—217].

Применение этих же приемов в сравнительно-историческом исследовании морфологии иранских языков оказалось еще более перспективным, что связано со свойствами самого морфологического уровня. Тот факт, что он более непосредственно зависим от содержательной стороны языка, что он состоит из большего числа единиц, что многие из них в условиях флективного строя имеют более одной функции и связаны между собой более сложной системой отношений, чем единицы фонологического уровня, и т. п., — требует его реконструкции не только в плане максимально полного инвентаря материальных единиц, но и в отношении максимального выявления их функций и, в конечном счете, — содержательных оснований. Последнее обстоятельство делает обращение к более удаленным этапам, чем эталы, засвидетельствованные в конкретных иранских языках, особенно необходимым: оно дает возможность реконструировать «промежу-

точную» ступень в развитии функциональной стороны некоторых подсистем морфологического уровня — иногда даже в большей степени, чем в изменениях материального облика составляющих его единиц. Таким образом, внимание к функциональной и, тем самым, к содержательной стороне морфологической системы накладывает свой отпечаток на процесс реконструкции праязыковых систем (общеиранской и прасистем отдельных групп) и более ранних систем единичных языков, а также на выявление путей и движущих сил в трансформации морфологического строя конкретных языков.

При общем учете специфики иранского материала и специфики морфологии как языкового уровня сравнительно-исторический анализ морфологии иранских языков в каждом из трех указанных выше аспектов выдвигает свои дополнительные проблемы.

I

Реконструкция общеиранского морфологического уровня, в отличие от фонологического, при применении приемов «промежуточной» реконструкции вынуждена в качестве своей непосредственной «поздней» опоры использовать в большей степени показания древних иранских языков (прежде всего — авестийского), чем языков последующих эпох. Эта необходимость диктуется тем, что материал древних языков с их ярко выраженным флективным строем при сопоставлении его с реконструированными доиранскими системами дает наиболее полное представление не только о наборе единиц морфологического уровня праязыка, но и об их функциях. Языки же последующих эпох с их тенденцией к аналитизму и затем в части из них — к вторичной агглютинации и частичному синтезу [7] — выявляют уже значительно более скудные рефлексы древней флексии (вплоть до нуля, особенно в именной подсистеме). При этом и функции элементов, продолжающих древние флективные показатели, здесь уже зачастую иные: ср., например, показатель мн. числа имен (первоначально — названий лиц) в беспадежной системе персидского языка *-ān*, восходящий к флексии генитива мн. числа **-ānām*; показатели косв. падежей, оформляющие ими субъекта в «эргативных» конструкциях во многих языках — из древних генитива и инструменталиса; формы прош. времени глагола в хорезмийском языке, восходящие к оптативу и сохраняющие рефлекс его суффикса, и т. п. Поэтому адекватно восстановить общеиранскую парадигму даже в основных ее чертах можно только с опорой на показания языков древнего периода (лишь с отдельными коррективами, вносимыми архаизмами более поздних языков).

В том, что и в наиболее поздний период существования праязыкового состояния («накануне распада») его морфологический уровень был представлен ярко выраженной флективной системой, сомневаться не приходится. Об этом говорит не только флективность (хотя уже и с признаками некоторого упрощения) древнеиранских языков — авестийского и раннего древнеперсидского, — но и флективная парадигма отдельных языков не-древнего периода (хотаносакского, раннего согдийского). Этот факт, как и данные исторической фонетики, указывает на относительно ранний «распад» праязыка на группы, подгруппы и отдельные языки, — в период, когда флективный строй был еще живым. А следовательно, процессы «свертывания» старой флективной системы (т. е. утрата части древней флексии и переосмысление рефлексов сохранившихся элементов) должны были протекать параллельно и независимо в различных группах и языках.

Приближенного хронологически к праязыковому периоду общего «упрощенного» состояния типа народной латыни здесь не было, как не было и единого (в структурном и материальном планах) общего «среднеиранского» состояния всех иранских языков (ср. сложную флективную систему имени и отчасти глагола хотаносакского языка, менее сложную в имени, но с сохранением системы древнего имперфекта в глаголе — согдийского, но существенно аналитизированную в имени и в глаголе — среднеперсидского).

На основании показаний древнеиранских языков (и при учете отдельных архаизмов в более поздних языках) и реконструированных доиранских систем (при верифицирующих свидетельствах других и.-е. языков) восстанавливается, таким образом, в основных чертах сложная общеиранская флективная парадигма, материально и структурно сходная с парадигмами других древних и.-е. языков.

Однако здесь начинаются трудности в частности, и прежде всего — в выявлении функционального плана некоторых словоформ, а также в реконструкции материального облика единичных элементов.

Так, обнаруживается, что даже реконструировав материальный облик некой совокупности морфологических единиц и установив, что они составляют единую парадигму, не всегда можно определить их функциональную сторону и, следовательно, их соотношение в словоизменительной парадигме имени или глагола (например, разграничение функций падежей имен или значений классов глагольных основ), либо в лексической парадигме, состоящей из группы коррелирующих лексем (например, соотношение разных серий указательных местоимений по их пространственной ориентации на говорящего и собеседника). В условиях отсутствия текста такие данные можно получить лишь косвенными путями.

В традиционных иранистических сравнительно-исторических трудах реконструкция материального облика праязыковой словоформы или форманта обычно не сопровождалась реконструкцией ее содержательной (или функциональной) стороны. Праязыковые формы, а в ряде работ и их продолжения в конкретных языках древнего и более поздних этапов получают, как правило, ту номинацию (и, следовательно, квалификацию их функций), которую в классической индоевропеистике получали аналогичные формы общеиндоевропейского или конкретных древних и.-е. языков. Иногда (при совпадении функций) такая практика оказывается удачной, иногда же она ведет к существенному «сбою» в квалификации функций того или иного элемента.

Так, формы имен от тематических основ с общеиранскими показателями в ед. ч. **-ahja*, мн. ч. **-ānām* (учитывая и тематическую гласную) принято называть генитивом — на основании аналогичного места в парадигме сходных форм не только авестийского и среднеперсидского языков, но и древнеиндийского и других индоевропейских. Это — удачно, хотя при этом не всегда учитывается, что, называя форму генитивом, мы тем самым как бы уже определили до того общий тип парадигмы и соотношение ее компонентов, поскольку генитив — падеж, появляющийся на определенном этапе типологического развития языка в целом и именной парадигмы, в частности [8; 9, с. 156—164; 10, с. 278].

С другой стороны, глагольные презентные основы с общеиранским суф. **-sa* < **-śsa* (~др.-инд. *-ccha*) < общеарийск. **-śca* < и.-е. **-skē/o*, или **-skē* (14 кл. по Бартоломе [11, с. 78]) по традиции часто называют инхотативными. Этот термин используется иногда и для обозначения их

рефлексов в более поздних языках. Вместе с тем эти основы уже в языке Авесты [12, с. 209—210], а особенно в языках последующих эпох указывают на непереходность действия, на состояние субъекта, используя зачастую наряду с основами на **-ja* со слабой огласовкой (27 кл. по Бартоломе [11, с. 82—83]). Возможно, уже в общеиранском состоянии их ведущим значением была именно непереходность, а инхотивность (начинательность) сохранялась как остаточная, периферийная функция. При этом и основы на **-ja*, традиционно называемые пассивными по аналогии к древнеиндийским пассивам идентичного образования, в иранских языках не генерализовались в качестве пассивных. Здесь они обычно выражают непереходность и состояние (см. также ниже), и возможно, что именно этот круг значений был наиболее характерен для них уже в общеиранскую эпоху. Тем самым в традиционной квалификации данных глагольных основ мы имеем в первом случае архаизацию их функций, во втором — как бы включение их в оппозицию, в которую они не входили.

Таким образом, реконструкция морфологической системы праязыка (как и более ранних состояний конкретных языков) нуждается во внимании не только к материальной, но и к содержательной стороне ее элементов, поскольку реконструируются не просто звуковые единицы или их последовательности, а функциональные единицы, представляющие элементы знаков в их двусторонности, образующие определенные парадигмы.

Трудности для восстановления общеиранской морфологии представляет в некоторых случаях и материальный облик отдельных элементов, особенно входящих в такие звенья системы, которые уже в доиранскую эпоху были периферийными и которые недостаточно представлены в зафиксированных иранских языках. Не всегда ясна даже правомерность реконструкции для общеиранского состояния таких элементов. Так, немногие формы двойственного числа, выявляемые в авестийском в именной и глагольной подсистемах, и единичные рефлексы форм двойственного числа в более поздних языках слишком скудны для воссоздания общеиранских парадигм дуалиса. В принципе довольно большая часть недостающих форм могла бы быть восстановлена по аналогии к соответствующим древнеиндийским. Однако насколько правомерной была бы такая процедура? Известно, что система двойственного числа не получила полного развития в общеиндоевропейском состоянии, и какие-то фрагменты ее парадигмы могли вырабатываться в языках, продолжающих его диалекты, позднее и независимо друг от друга, а могли и не быть выработаны вовсе [13]. В этих условиях, например, неразграниченность в иранской медиальной глагольной парадигме форм от презентных основ с «первичными» и «вторичными» окончаниями в 1-м л. дв. числа (т. е. возможность продолжения здесь окончаний **-yadai* или **-yadi*) может быть результатом как совпадения рефлексов этих общеиранских окончаний в последующую эпоху, так и изначального отсутствия в общеиранском «первичного» окончания, в отличие от ведического языка, где оно могло быть выработано относительно поздно по аналогии к «первичным» окончаниям других форм препенса.

Реконструкция общеиранской морфологии подтверждает в целом показавшие фонологического уровня об ареальной неоднородности праязыковой системы, о наличии уже в то время определенных регионов (чаще — окраинных или рано изолированных от основной массы диалектов) с отклонениями от общей «нормы» [6, с. 24—26, 36, 53, 58—59, 215]. Особенно наглядно это выявилось, однако, в парадигмах, объединяющих

определенные лексические единицы, прежде всего — в системе числительных и указательных местоимений.

Характерно, например, различное обозначение единицы. В подавляющем большинстве иранских языков продолжается основа *aiçā- (ж.р. *aiçā-) с колебаниями ударения (часть языков отражает прототип *aiçā-) и ранней суффиксацией *-ka (в ряде случаев прослеживается результат *aiçā-ka-, *aiçā-ka), — т. е. основа, производная от и.-е. дейктической *ei- «тот, он» с распространителем *-ça (ср. авест. *aēva-*, др.-перс. *aiva* «один», по др.-инд. *evā* «так», *ēka* «один», *ena-* «он», *eṣā-* «тот» и т.д.) [14, с. 286; 15]. Однако в двух языках: ормури (живом бесписьменном, северо-западной подгруппы) и сакском (вымершем письменном, юго-восточной подгруппы), — продолжается основа общеиран. *s(i)ia- (ж.р. *s(i)iā-) < арийск. *c(i)ia-, восходящая к другому и.-е. дейктическому элементу — *kō-, *kē- в форме *k(i)io- «этот» [14, с. 609]: орм. логар. *že*, каниг. *sa* (ж.р. *syē*), хот.-сак. *śśa-*, *śśya-* (ж.р. *śśā*), тумш.-сак. *šo* [16—17; 18, с. 158]; она же сохраняется здесь в сложных числительных («одиннадцать», «двадцать один» и т.д.). Наличие данной основы в языках — потомках древних окраинных диалектов свидетельствует о ее архаичности.

Различны по ареалам были и способы образования сложных числительных. Так, обозначения числительных второго десятка продолжают в одних случаях сочетания полноформенных слов (иногда весьма архаичные), в других — древние композиты. Ср., например, обозначение числительного «одиннадцать»: авест. *aēvandasa-*, парф. *'ywnds*, согд. *ywnt-*, хорезм. *'ywnd(y)s*, осет. *īwændæs/ewændæs* восходят к общеиран. *aiçan-daša — из арийского сочетания *aiçam daça [аккузатив м.р. или номинатив-аккузатив ср.р.; по той же модели построены хот.-сак. *šāṃ-dasa*, орм. *šāndas*, *sandas*, где первый компонент — из арийск. *c(i)iam], в то время, как в перс. *yāzdāh* отражается вторичное сочетание *aiçā-ča daša (с растяжением *a > *ā по аналогии с *diçā-ča daša «двенадцать»), а в папшо *yawōlas* — композит *aiçā-daša. В числительном «тринадцать» — ср.-перс., кл. перс., тадж. *sezdah* продолжает либо древнее сочетание *trajāz-daša из арийск. *trajās daça (номинатив м.р.), либо вторичное сочетание *traī-ča daša, в то время как авест. *θridasa-* восходит к композиту *tri-daša- (как и осет. *rtyndæs/ærtindæs с огласовкой *i и вставкой осет. -n- по аналогии с *ærtyn/ærtin «тридцать»), а папшо *dyārlas* и хот.-сак. *dr̥raišuvo'* продолжают прототип с дифтонгом: либо композит *traī-daša, либо общеиранское сочетание *trajah daša.

Для общеиранского состояния восстанавливается большое количество основ указательных местоимений — первичных и вторичных, возникших при сращении двух основ (всего — не менее 14, не считая основ ж.р. на *-ā от основ м. и ср.р. на *-a). Распределение рефлексов этих основ по разным сериям (т. е. по степеням удаленности от говорящего и собеседника) в конкретных иранских языках при сравнении с соответствующей дистрибуцией их и.-е. прототипов позволяет выявить их приблизительное распределение по сериям в общеиранском. Здесь отчетливо прослеживаются три серии: I — «этот», ближний к говорящему (по Бругману — Ich-Deixis), II — «этот, тот», ближний к собеседнику (Du-Deixis), оно же служит для эмфазы и анафоры «именно тот», «тот, который...» (Der-Deixis), III — «тот», удаленный от обоих участников диалога, ближний к 3-му лицу (Jeneг-Deixis) [19]. При этом в каждой из этих серий в общеиранском оказывается несколько основ и соотношение их не всегда ясно. Часть основ, по-видимому, распределялась по родам и по разным формам падежей и чисел в парадигме, как и в других и.-е. языках (например, *ha~

~*ta). Однако функции некоторых основ не выявлены. К тому же объединение в рамках единой парадигмы набора именно тех, а не иных основ производится иногда по аналогии с иноязычными системами (обычно — ведической), что оставляет место для сомнений: в общеиранской системе оно могло быть и иным. Не исключено, что в части случаев объединения в одну парадигму разных основ могло быть неодинаковым по ареалам и что некоторые из разных позднейших трансформаций указательных местоимений в конкретных иранских языках были стимулированы различными внутрипарадигматическими процессами в разных диалектах древности.

Таковы далеко не все проблемы, возникающие при реконструкции морфологического уровня общеиранской праязыковой системы.

II

Как известно, членение иранских языков на две большие генетические группы — западную и восточную — основано на определенных историко-фонетических различительных признаках, сложившихся в очень раннюю эпоху, частично (на фонетическом уровне) в диалектах индоиранского состояния, с выходом на фонологический уровень значительно позднее, после «распада» общеиранского языка [5; 6, с. 213—215]. Данные дифференцирующие признаки были свойственны тем самым праязыковым состояниям каждой из двух этих групп.

При этом попытки выявить морфологические (как и лексические) различительные черты, которые подкрепляли бы историко-фонетические, до сих пор не увенчались успехом.

В различных трудах в качестве таких дифференцирующих черт назывались, например, лучшая сохранность падежной флексии в восточной группе, чем в западной; различное происхождение показателей мн. числа; различное построение определительных конструкций (препозиция определения в восточноиранских языках ~ постпозиция его с использованием особых «изафетных» показателей при определении — в западноиранских); разные типы организации предложений с переходными глаголами в прош. временах и некот. др. Однако ни одна из указанных характеристик не может служить изоглоссой, действительно разделяющей эти группы. Так, признак лучшей сохранности падежной флексии принадлежит не всем восточноиранским языкам, и не все западноиранские утратили флексию полностью. Неодинаковость происхождения показателей мн. числа характерна для разных языков внутри групп (ср. вторичные показатели, восходящие к древним суффиксам собирательности и абстрактности: к *-i/šā, — показатели, характерные для разных языков обеих групп, и к *-tā, свойственные лишь единичным языкам восточной группы). Определительные конструкции изафетного типа, действительно отсутствующие изначально в восточноиранских языках (бактрийское «исключение» сомнительно), развились и не во всех западноиранских: часть из них сохранила препозицию определения. Построения предложений с переходными глаголами в прош. временах, где субъект выражен именем в косв. падеже (так называемые эргативные или эргативно-образные конструкции), оказались свойственными большинству языков (в настоящем или в прошлом) обеих групп. К тому же первый и два последних из указанных признаков носят не материальный, а структурно-типологический характер. (Обзор предполагавшихся морфологических дифференциаций и их обсуждение см. [20—22; 1, с. 125; 2, с. 85—86].)

Сравнительно-историческое изучение морфологии иранских языков на новом «витке», особенно с выходом в свет четырех томов «Основ иранского языкознания» [23—26], позволило еще раз вернуться к поискам морфологических изоглосс, разделяющих языки восточной и западной групп. Особое внимание при сравнении истории их парадигм было уделено при этом их материальному и функциональному аспектам. Учитывалось также, что «группировка диалектов по общей изоглоссе, выражающейся в утере и переосмыслении определенных структурных элементов, не предполагает с необходимостью общего совместного развития этих диалектов. Такая изоглосса в некоторых случаях может отражать независимое развитие в отдельных диалектах структурных тенденций, заложенных в общем языке. Структурные данные такого типа могут, очевидно, считаться основанием для диалектной группировки лишь в том случае, если другие более показательные изоглоссы дают основание для такой же ареальной классификации диалектов» [10, с. 387]. Анализ материала в этих условиях выявил следующее.

Существенное «упрощение» древней флективной парадигмы, особенно в живых иранских языках, — вплоть до нуля, а также последующее становление во многих из них различных вторичных агглютинативных и флективных форм имени и глагола оставили очень мало участков парадигм, на которых можно было бы проследить сходства и различия материального инвентаря. Однако и на этих участках сравнение выявляет чаще всего либо разные (фонетически) рефлексy одних и тех же древних формантов, либо продолжение какого-либо элемента в одной группе языков (обычно восточной) и утрату его — в другой (обычно западной). Конкретных изоглосс материальных различий оказалось очень мало, и все они охватывают не каждую группу целиком, а лишь большую часть входящих в нее компонентов.

Так, в именной парадигме, которая резко упрощена в не-древних языках западной группы (т. е. живых и вымерших языках не древнего периода) и в большей части живых языков восточной группы, расхождения между сохранившимися элементами носят не абсолютный, а частотный характер. Например, в обеих группах отмечаются рудименты древнего генитива: в виде одного из косвенных падежей либо общекосвенного, а при утрате падежной системы — в виде единой формы. Это особенно наглядно в местоимениях 1-го л. ед. и мн. числа (продолжающих соответственно **mana* и **ahmākam* → **amāxam*) и в показателе мн. числа имени (из **-ānām*). При этом в большинстве (но не во всех!) не-древних восточноиранских языках продолжают существовать и рефлексy общеиранского инструментального падежа мн. числа на **-abiš*, **-ābiš* и т. п., совпавшие здесь относительно рано с рефлексами датива-аблатива мн. числа и давшие в итоге исход форм мн. числа на *-ev*, *-ef*, *-if* и т. п. Эти формы (в основном существительных и указательных местоимений) тоже выступают в ряде языков как общекосвенные или — при утрате падежных оппозиций — как единые формы мн. числа (иногда для определенных семантических групп имен). Тем самым наличие этих форм является частой, но не общей чертой восточноиранской группы. С другой стороны, хотя в языках западной группы не-древнего периода (живых и вымерших) аналогичные формы не прослеживаются, наличие инструменталиса на *-abiš* в древнеперсидском не позволяет считать их отсутствие общим западноиранским признаком.

Общеиранские личные энклитические местоимения мн. числа 1 л. **nah*, 2 л. **yah* отражаются в восточноиранских языках в виде либо

энклитических местоимений, либо глагольных показателей (в формах, продолжающих конструкции с причастиями от переходных глаголов). В западноиранской группе в этих функциях выступают инновационные энклитики, образованные показателем мн. числа от 1 и 2 л. ед. числа (типа тадж. мн. ч. 1 л. *-амон*, 2 л. *-атон* от ед. ч. соответственно *-ам*, *-ат*). Однако считать эту черту абсолютной изоглоссой, разделяющей западную и восточную группы, мы не можем, поскольку, например, в курдских диалектах (западная группа), кроме этих новых форм, выявляются также рефлексы старых энклитик мн. числа [27], а в диалектах согдийского и в хорезмийском (восточная группа) наблюдаются аналогичные западноиранским новые построения мн. числа от ед. числа (ср. согд. муг. ед. ч. 1 л. *-ту*, 2 л. *-ту*, мн. ч. 1 л. *-мл*, 2 л. *-тл* [28]; хорезм. ед. ч. 1 л. *m(')*, *m(y)*, 2 л. *v(')*, *d(y)*, 3 л. *h(y)*, мн. ч. 1 л. *mn(')*, 2 л. *vn(')*, 3 л. *hyn(')* [29]. Тем самым и в отношении происхождения местоименных энклитик различие между группами носит лишь частотный (хотя и высокочастотный) характер.

Частотный характер расхождений оказался свойственным и элементам глагольной парадигмы языков обеих групп, хотя часть восточноиранских языков не-древнего периода и здесь сохраняет более архаичное состояние парадигмы. Так, согдийский, хорезмийский и ягнобский выявляют системное продолжение древнего имперфекта с его «вторичными» окончаниями и аугментом. В западноиранской группе прослеживаются лишь рефлекс имперфекта (или инъюнктива) в среднеперсидском языке и частица типа аугмента в талышском (причем древность ее здесь небесспорна). Однако наличие системы имперфекта (хотя и в затухающем виде) со всеми его показателями в древнеперсидском не позволяет считать ее признаком только восточноиранских языков. То же относится к рефлексам общеиранских косвенных наклонений, характерные показатели которых (суффиксы и флексии) обнаруживаются в обеих группах (хотя в восточной они выявляются четче и в большем количестве языков), к продолжениям разных классов презентных основ и т. д. При этом материально сходные инновации свойственны некоторым языкам обеих групп, и общие изоглоссы и в этом плане не выявляются.

Таким образом, признавая общую методическую ценность морфологических изоглосс при определении членения языковой общности на генетические группы и подгруппы, приходится констатировать, что специфика иранского материала не позволяет пока выявить их здесь в «чистом» виде, т. е. в виде не частотных, а общих признаков для всех языков западной или восточной группы. Причиной этого является существенная структурно-типологическая перестройка (переход от флексии к аналитизму и затем к вторичной агглютинации) почти всех языков западной группы и большинства языков восточной группы в период, последовавший за древнеиранским. А поскольку древний период для восточноиранских языков не зафиксирован письменно (язык Авесты по историко-фонетическим данным нельзя целиком отнести к этой группе, см. [6, с. 217]), а для западных зафиксирован памятниками одного языка — древнеперсидского, к тому же значительно «продвинутого» (особенно на позднем этапе) и представленного относительно небольшим количеством текстов, — то многие элементы общеиранской флективной системы, утраченные, возможно, уже в древности, уже не могут быть выявлены и сопоставлены. Новые же элементы образуют изоглоссы, охватывающие либо небольшие языковые подгруппы внутри групп, либо различные единицы обеих групп. Тем самым надежных морфологиче-

ских изоглосс, разделяющих западную и восточную группы, сравнимых по четкости с фонологическими изоглоссами, и на данном этапе изучения истории иранских языков обнаружить не удалось.

Можно предположить, что на том уровне древности, к которому относится возникновение историко-фонетических изоглосс, охвативших диалектные группы еще в общеиранский и даже в общеарийский периоды, когда единые в принципе фонологические системы отличались друг от друга лишь в частности реализации отдельных серий фонем (см. [5; 6, с. 213—215]), аналогичные изоглоссы могли быть и на морфологическом уровне: единая в принципе морфологическая система могла иметь диалектные различия в облике частных алломорф или их функционировании. Однако из-за отсутствия древних восточноиранских памятников (и скудости древнеперсидских текстов) такие «детали» уже не поддаются реконструкции. Последующие же перестройки — после древнеиранской эпохи — были относительно единообразны в историко-типологическом плане и потому дали сходные результаты в отношении «вымывания» архаизмов и образования новых конструкций и форм по сходным моделям (включая ареальные) в обеих группах. В результате «старые» материальные изоглоссы, противопоставлявшие эти две группы, были утрачены, а новых не образовалось.

III

В традиционной иранистике основной причиной ослабления и отпадения древних флективных показателей считалось их заударное положение. Согласно теории А. Мейе, в древнеперсидском языке с заменой и.-е. разноместного тонического акцента силовым ударением, падавшим на предпоследний слог (если его гласный был долгим) и на пред-предпоследний (если гласный предпоследнего был кратким), заударные слоги — носители флексии — отпадали, что влекло за собой морфологическую трансформацию именной системы в языках-потомках, включая персидский [30]. Это положение было распространено затем на другие иранские языки [31] и стало общим местом иранистики. В результате трансформация морфологической системы стала рассматриваться как результат фонетических процессов, в основном — отпадения слогов — носителей флексии.

Дальнейшие исследования показали, однако, что процессы изменения и просодических систем, и морфологических парадигм были иными.

Во-первых, ударение не во всех языках трансформировалось в силовое: во всяком случае, часть из них (включая персидский и таджикский) сохраняет его комплексный (по некоторым данным, преимущественно тонический) характер (см., например, [32—34]). К тому же многие языки выявляют разноместное ударение либо его следы в именной и глагольной системах (например [35—37; 18, с. 198 и сл.]). Тем самым характер просодических систем в прошлом разных языков оказался различным (подробнее [38; 6, с. 62—65, 197—202]), при том, что упрощение флективных систем затронуло в той или иной мере практически все иранские языки и что распределение типов этого упрощения по разным языкам не совпало с распределением типов акцентуации.

Во-вторых, упрощение флективных парадигм оказалось не фронтальным и носило не случайный характер.

Так, в именной парадигме тематического склонения (генерализовавшегося в большинстве языков до утраты ими флексии), при общей уяз-

вимости односложных падежных показателей, они утрачиваются не во всех языках (ср., например, парадигмы хотаносакского, согдийского языков). Закономерности падения двусложных показателей четко определены их функциональной ценностью. Например, в парадигме мн. числа наиболее устойчивыми повсеместно оказались рефлексы показателя генитива **-ānām* и — в большинстве восточноиранских языков — инструментального падежа: м. р. **-āibiš*, ж. р. **-ābiš* (возможно, при совпадении его с дат.-абл.), т. е. тех падежей, которые использовались для оформления имени субъекта в «эргативных» конструкциях с переходными глаголами (см. ниже) и тем самым несли большую информативную нагрузку¹. Рефлексы этих формантов маркируют в современных языках чаще всего либо общекосвенный падеж мн. числа (при двухпадежной системе), либо просто форму мн. числа (в системе без падежей). Вместе с тем в тех же языках локатив мн. числа на **-āišu* утрачивается, хотя его показатель находился в столь же «выгодных» фонетических условиях, что и рассмотренные выше (т. е. был двусложным и, согласно классической схеме, ударным). В ед. числе наиболее устойчивым оказывается продолжение древнего генитива на **-ahja*, хотя его показатель, состоящий из кратких слогов (и по классической схеме — безударный), был фонетически более уязвим, чем у локатива мн. числа. То же относится к местоимениям, особенно личным: здесь также наиболее «живучими» оказались формы генитива, хотя, например, в 1-м л. ед. ч. **azām* (номинатив) и **māna* (генитив) фонетически равноценны.

Таким образом, генитив как падеж имени субъекта при переходных глаголах в силу своей информативной значимости оказался наиболее устойчивым (во многих языках он даже вытесняет номинатив), вопреки фонетической «силе» или «слабости» его оформления. При этом в целом ряде языков генитивный показатель препозитивного определения легко утрачивается — в силу его избыточности в условиях жесткого закрепления синтаксического места определения. В части западноиранских языков, где определительное сочетание унифицировалось по древнему типу оборотов с относительными местоимениями [9, с. 225—240] и превратилось затем в изафетную конструкцию, с постановкой определения за определяемым, оформленным особым показателем (обычно — рефлексом одного из относительных местоимений), — падежное — генитивное оформление определения также становится избыточным и постепенно отмирает (т. е. конструкция «дом, который отца» свертывается в «дом-N отец», где N — утративший связь с местоимением служебный элемент — изафет, указывающий на следование за ним постпозитивного определения).

С избыточностью связан и процесс утраты во многих языках словоизменения прилагательного по родам, числам, падежам, поскольку эти формы имели чисто согласовательный характер и при закреплении прилагательных в примененной позиции теряли свою информативность. С закреплением в примененной позиции древних адverbов и превращением их в предлоги и послелоги, с закреплением позиций имен субъекта и объекта по отношению друг к другу и к глаголу и т. п., — синтаксические отношения имен все более передаются средствами контекста, что ускоряет отмирание соответствующих флексий.

¹ О распределении падежей: генитив в обеих группах языков, инструменталис — в части восточных, — см. выше (ср. также [39, с. 45, 52]). В некоторых восточноиранских языках наблюдается дистрибуция этих падежей по разрядам имен субъекта: генитив личных местоимений ~ инструменталис указательных местоимений и существительных.

Эти процессы поддерживались также ослаблением категории рода, признаки расшатывания которой видны уже в языке Авесты [12, с. 195]: затухание семантических оснований (особенно для ср. рода в связи с утратой оппозиции активности/инактивности) уже в древнеиранский период делает эту категорию во многом формальной. В дальнейшем она выживает в тех языках, где сохраняются (или развиваются под воздействием субстрата, иногда со сдвигом семантики [40, с. 28—30]) содержательные противопоставления, связанные с этой категорией. В части же языков она постепенно отмирает.

Категория числа, в силу ее информативной значимости, продолжает существовать и при отмирании падежной флексии: в некоторых языках (обеих групп) развивается синтаксическое ее выражение, однако в большинстве языков для выражения мн. числа используются либо рефлексы древних флективных показателей (генитив и инструменталис, см. выше), либо вторичные суффиксы собирательности или абстрактности (первоначально для имен, обозначающих не человека). При этом выражение мн. числа старыми и новыми постфиксами также противоречит традиционной концепции исчезновения конечных слогов как причины морфологических трансформаций.

Таким образом, в именной подсистеме процесс утраты древних флективных показателей задается и регулируется прежде всего процессами изменения содержательной стороны языка — непосредственно (в отношении категории рода) или через посредство синтаксиса (в категории числа и падежа). В последнем случае совершенно очевидна тенденция к сохранению информативно ценных для синтаксиса постпозитивных флективных элементов (иногда с изменением их функций) и к созданию новых постфиксов, — при том, что становящиеся малоценными постпозитивные элементы постепенно исчезают. Фонетический же уровень представляет собой лишь фон и вспомогательное средство, способствующее «вымыванию» прежде всего тех из безударных постфиксальных элементов, которые становились «пустыми» или малоинформативными в силу утраты содержательной стороны (род) или достаточной выраженности функций иными средствами (падеж), подробнее см. [41, с. 161—163, 166—167].

В упрощении древней глагольной флективной парадигмы факторы содержательного характера играли еще более очевидную роль.

Развитие содержательной категории переходности/непереходности стимулировало становление различных конструкций с причастиями на **-ta*, реже — на **-na*, **-na*, — для обозначения результативного действия в прошлом: типа «я пошедший емь» для непереходных глаголов, но «[у] меня то-то сделано (есть)» в большинстве языков (и «я то-то сделанным имею» в хорезмийском и диалектах согдийского) — для переходных². При формализации оппозиции этих конструкций: с непереходны-

² Различие конструкций с переходными глаголами в разных языках также связано с содержательной стороной языка и объясняется разной степенью разработанности отвлеченной семантики «иметь» у глагола **dar-* (кн.-в. **dher* (ə)- [14, с. 252]), обозначавшего в общеиранском «держать», ко времени грамматикализации этих конструкций в том или ином языке. В согдийском и хорезмийском значение «иметь» установилось относительно рано, до их грамматикализации. В других языках оно появилось позднее, чем конструкции «[у] меня то-то сделано (есть)» устоялись или обрели статус грамматических форм; в некоторых же такое значение не развилось вообще, и здесь всякое понятие обладания выражается конструкциями наличия («у меня то-то есть // имеется»), и результативность, выражаемая в разных языковых семьях посессивными конструкциями, естественно передается оборотами «[у] меня то-то сделано (есть)». Подробнее: [9, с. 192—224; 39, с. 28—29; 42].

ми глаголами (номинативных) ~ с переходными («эргативных», или эргативообразных) — и при последующем вхождении их в парадигму личных форм глагола в языках западной и восточной группы происходили различные разновременные процессы трансформации древней парадигмы. Вначале — отмирание старых флективных форм перфекта, а также — несколько позднее — аориста, ставших излишними при наличии нового «перифрастического» перфекта. Впоследствии, с вхождением этих конструкций в сферу претерита при утрате ими значения результиативности (и с выработкой новых перфектных образований) в подавляющем большинстве иранских языков становятся избыточными древние формы имперфекта, которые к этому времени расширили свои функции до обозначения прош. времени в целом. Они отмирают, а вместе с ними утрачиваются «вторичные» окончания (исключение — единичные языки восточной группы, где «перифрастические» формы остались перфектными, а прош. время продолжает выражаться системой древнего имперфекта). В новой системе усиливается оппозиция времен: «прошедшее/настоящее (или настоящее-будущее)», выраженная теперь не окончаниями («вторичные/первичные»), а основами (основа прош. вр., восходящая к причастию/основа наст. вр., восходящая к древней презентной основе).

Яркая выраженность в прош. временах категории переходности/непереходности (реализуемой теперь оппозицией синтаксических построений) начинает воздействовать со временем и на формы наст. времени, восходящие к презенту: из большого числа классов презентных основ наиболее продуктивными, помимо простых тематических (включая позднюю тематизацию), становятся те, которые в той или иной мере выражают переходность или непереходность глагола в первую очередь, т. е., с одной стороны, древние «каузативы» (с полной или продленной огласовкой и в ряде языков с суф. **-aia*), а также основы с назальными элементами (инфиксом и суффиксами) — для обозначения переходности, а с другой стороны, — основы с суффиксами **-sa* и **-ia* с нулевыми огласовками — для обозначения непереходности (см. выше). В дальнейшем из этой группы в различных языках генерализуется та или иная пара основ, противопоставленных по переходности/непереходности, однако происходит это относительно поздно, о чем говорит тот факт, что эти пары могут различаться даже в близкородственных языках (см., например [43, с. 114—132]). Остальные классы основ частично постепенно исчезают, частично сохраняются в качестве застывших непродуктивных образований.

Любопытно воздействие содержательной стороны языка на некоторые чисто формальные структуры. Так, в отдельных языках (например, в согдийском, мунджанском, ишканимском) презентные формы относительно долго сохраняли разноместное ударение и наблюдалась тенденция к его закреплению: а) на основе, если ее слоговой элемент был представлен долгой гласной или дифтонгом, б) на тематической гласной (или на ее рефлексе в составе окончания), если огласовка основы была слабой. В результате здесь происходит постепенное распределение части переходных и непереходных глаголов по разным акцентным парадигмам: бывшие каузативные глаголы с полной и продленной огласовкой тяготеют к баритональной парадигме, непереходные со слабой огласовкой — к окситональной. А отсюда иногда и различные рефлексы древних окончаний. Например, в мунджанском языке в 3-м л. ед. ч. рефлексами **-ati* являются: *-t*, *-d* при баритональной, *-i* — при окситональной парадигме в относительно недавнем прошлом. При этом частотность переходных

глаголов с показателями *-t*, *-d* здесь выше, чем с *-i*, и наоборот [ср. 43, с. 66—67; 44]. Тем самым содержательная оппозиция переходности/непереходности не только формализуется в виде разных типов глагольных основ, но и воздействует через них косвенным образом на акцентную парадигму глаголов и в итоге на фонетическое развитие формантов.

Фонетические сдвиги, вызванные той же содержательной оппозицией, распространяются иногда и на рефлексы древних причастий на **-ta*, когда они входят в парадигму глагола: имея изначально слабую огласовку, причастия от переходных глаголов могут заменить ее на полную и даже продленную — по аналогии с презентными основами (в отдельных случаях — даже с основами других глаголов, см., например, причастие от корня **kar-* «делать», выявляющее во многих языках рефлексы **karta-* в м. **kṛta-*: авест. *karta-*, тадж. *kard*, шугн. *čud*, руш. *čug* — с *č* < **k* перед **a*; ср. презентную основу **kṛ-nau-*: авест. *kərənau-*, тадж. *kun-*, шугн., руш. *kin-* — с *k* < **k* перед **r*, см. [45]).

Обратного воздействия — фонетической стороны словоформ на их сохранение — почти не обнаруживается. При ослаблении конечных слов — носителей глагольной флексии последняя обычно либо сохраняет свой консонантный костяк, либо «регенерирует», заимствуя ослабленные элементы из других парадигм, как это наблюдается в согдийском и ягнобском языках в словоформах от «тяжелых» основ. Единственный случай системной утраты флексии наблюдается в «зависимой» парадигме прош. времени в ягнобском языке, т. е. в формах, употребляемых в качестве второго однородного сказуемого после первого, представленного полной флективной формой (при едином подлежащем). Эти формы продолжают древние имперфектные, первоначально — от «тяжелых» основ, способствующих ослаблению окончаний. Однако в самостоятельной позиции они восстанавливают окончания по аналогии с глаголами, имевшими исторически «легкие» основы. Следовательно, при употреблении этих форм в «зависимой» позиции окончания не восстанавливаются (и исчезают у глаголов с «легкой» основой) именно в силу их избыточности [46—47].

Показательны и иные изменения, связанные с развитием категории переходности/непереходности, в частности, с трансформацией залоговых отношений. В связи с этими процессами унаследованная из индоевропейского состояния оппозиция актива/медиума, в значительной степени формальная уже к общеиранскому состоянию, постепенно становится избыточной и в эпоху после древнеиранской в большинстве языков отмирает, оставляя лишь единичные рудименты медиальных окончаний (относительно системная парадигма медиума в хотаносакском языке противопоставлена активной уже чисто формально).

Однако становление отношений актива/пассива также не пополнило флективной парадигмы. В ходе этого процесса ожидалось бы становление системы пассивных форм (возможно, вначале аналитических с превращением во вторичные синтетические), аналогичных активным формам переходных глаголов и симметрично противопоставленных им. Однако этого не произошло. Обычно в иранских языках высказывание строится в активном плане, причем актив выявляет все многообразие флективных и аналитических форм и сочетаний. Пассивные же построения предложений встречаются значительно реже, причем их глагольная часть представлена сочетаниями причастий или инфинитивов с вспомогательными глаголами и связкой при различной степени спаянности их компонентов. Обычно эти обороты прозрачны по составу, строятся заново на каждом этапе развития языка и получают более или менее устойчивый статус

аналитических форм преимущественно в литературных языках. Логический субъект действия в них, как правило, не обозначен и не всегда подразумеваем; значительно реже встречается его выражение — обычно описательное (и тоже в основном в литературной норме).

Такая асимметрия в выражении актива/пассива свойственна, по справедливому замечанию Т. В. Гамкрелдзе, языкам номинативного (или аккумулятивного) строя, в которых глубинные субъектно-объектные отношения в достаточной степени адекватно передаются на поверхности активными построениями предложения и формами глагола, пассивные же представляют собой лишь трансформационный (возможно, стилистический) поверхностный вариант активных. Очевидно, дополнительные ограничения на функционирование (и, следовательно, развитие) пассива в иранских языках налагает наличие в их большинстве «эргативных» или эргативообразных конструкций с переходными глаголами, поскольку первоначально центром этих конструкций являлся объект и строились они по пассивной модели (см. выше). Тем самым избыточность или, во всяком случае, периферийность пассивных построений препятствовала развитию системы пассивных форм, аналогичных активным.

Итак, и в глагольной подсистеме изменения в морфологии были вызваны факторами содержательного плана, фонетика же оформляла и фиксировала морфологические трансформации (подробнее см. [41, с. 163—167]).

Наконец, следует затронуть еще одну проблему исторической морфологии иранских языков, вырастающую из их разбросанности по большой территории и постоянных контактов с другими языками (в том числе в рамках языковых союзов, в условиях наложения на различные субстраты и т. д., — т. е. при обширном и глубоком двуязычии). Думается, что упоминавшиеся выше различные темпы и степени упрощения древней флективной системы (как и становления новых систем) в разных группах, подгруппах, ареалах и даже в единичных языках до некоторой степени связаны не только с внутренними причинами, о которых уже говорилось, но и с явлениями ареального, контактного порядка.

Едва ли случайно, например, сохранение в восточноиранских языках большего в целом числа флективных форм и парадигм, чем в западноиранских. Ср., в частности, почти полную именную парадигму древнего типа в памятниках хотаносакского языка (начиная с VII в. н. э.), парадигму из нескольких падежей в раннем согдийском (с IV в. н. э.), рефлексы древних падежей в других восточноиранских языках, включая живые, а с другой стороны — стремительное разрушение этой парадигмы даже в поздних древнеперсидских памятниках (середины IV в. до н. э.).

Особенно характерно «упрощение» флективной именной парадигмы в юго-западной подгруппе. Уже в позднем древнеперсидском, в частности, в надписях Артаксеркса III (359—338 гг. до н. э.) наблюдаются не только ошибки в написании падежных окончаний, но и случаи параллельного употребления форм номинатива и генитива в определительной функции, а также использование определительных конструкций изафетного типа, с постпозицией определения (при «вставке» в них застывших блоков — генеалогических формул с препозитивным определением), и другие отклонения от классической системы, зафиксированной, например, надписями Дария I (522—486 гг. до н. э.), подробнее [41, с. 160—161]. Если такие инновации в языке самих надписей объяснимы не только смертвельностью к этому времени падежной системы, но и возможностью несвободного владения языком составителями текста [48], то продолжение во всех языках юго-западной подгруппы именно такой беспадежной (редко —

двухпадежной, ср. рефлексы генитива в раннем среднеперсидском) и безродовой системы имени, с генерализацией изафетных определительных конструкций (типа «дом-N отец», см. выше), с рядом других черт аналитизма именной системы, — показывает, что такое резкое «упрощение» именной морфологии было вполне массовым, «демократичным» и охватывало не только верхушку древнеперсидского общества (составителей текстов), но и массы в целом. С ним согласуется и «упрощение» глагольной парадигмы в плане почти полной утраты косвенных наклонений (кроме императива и единичных рудиментов конъюнктива), а также раннее вторжение в глагольную систему «перифрастических» форм, характерное словообразование глаголов по типу перс. *guš dādan* (букв. «ухо давать») или тадж. *gūš кардан* («ухо делать») для «слушать» и т. п.

Любопытно, что все эти черты «упрощения» древнеиранской флективной системы имени и глагола и развития заменявших и вытеснявших ее синтаксических оборотов (как и утраты стилистического многообразия речи, передававшегося косвенными наклонениями и т. п.) аналогичны тем, которые отмечаются при «пиджинизации» языка в условиях, когда он обслуживает иноязычных носителей, усвоивших язык более «престижного» этноса не в полном объеме (ср. сходные морфологические черты в языках палийских текстов Индокитая [49]).

Очевидно, древние юго-западные диалекты, и прежде всего — один из них, легший в основу языка древнеперсидских надписей, — будучи языком господствующего этноса, а впоследствии и государственным (в условиях жестко централизованного государства), — был также и языком общения господствующей части общества с остальными (а кроме того, возможно, языком общения между собой различных неперсидских племен). Это обстоятельство ускорило переход на него большой группы племен — без достаточно глубокого его усвоения.

В ареале распространения восточноиранских языков (и отчасти — северо-западных) упрощение древнего флективного строя было не столь радикальным, а главное — не столь стремительным. Хотя отдельные языки, особенно на Памире, имеют уже существенно упрощенную структуру, рудименты древних флективных разнообразных парадигм здесь налицо (ср. сохранение застывших падежных форм в виде наречий и топонимов, наличие рефлексов косвенных наклонений в виде окончаний 1-го и 2-го л. нынешнего индикатива и т. д.). При этом в языках восточной группы отмечается большое число субстратных черт, охватывающих все уровни языка, включая морфологический (особенно в плане словоизменятельных моделей), а также элементов «языкового мышления», которое в свою очередь тоже вызывает иногда изменения в морфологии (например, трансформацию категории рода, о которой говорилось выше; различия в определительных конструкциях, зависящие от типа принадлежности, и т. п.), см. [50—52; 40, с. 22—32].

Такому развитию восточноиранских языков могла способствовать характерная для них в прошлом социолингвистическая ситуация, существенно отличная от «древнеперсидской», а именно — длительное сосуществование доиранских и иранских языков на общих территориях с постепенным переходом более раннего населения на иранские языки и диалекты.

Дальнейшие морфологические процессы: агглютинации и вторичной флективности, — характерные в разной степени для разных языков и западной, и восточной групп, протекали в одних случаях спонтанно, в других — под сильным воздействием субстрата и адстрата. Наиболее

характерные примеры второго пути развития представлены, например, в морфологии осетинского, хорезмийского языков. Эти процессы сходны с процессами интерференции и креолизации языков в других регионах.

Таким образом, причины морфологических трансформаций иранских языков следует искать как во внутренней перестройке систем (связанной в своей основе с развитием содержательной стороны языка), так и с внешними воздействиями на него в ходе одновременных и разнотипных контактов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.
2. *Оранский И. М.* Введение // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
3. *Эдельман Д. И.* К фонемному составу общеиранского (о фонологическом статусе *x^o) // ВЯ. 1977. № 4.
4. *Эдельман Д. И.* К перспективам реконструкции общеиранского состояния // ВЯ, 1982. № 1.
5. *Эдельман Д. И.* К генетической классификации иранских языков // ВЯ. 1984. № 6.
6. *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонология. М., 1986.
7. *Расторгуева В. С.* Вопросы общей эволюции морфологического типа // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Т. I. М., 1975. С. 163—224.
8. *Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 195—203.
9. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
10. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. I. Тбилиси, 1984.
11. *Bartholomae Chr.* Vorgeschichte der iranischen Sprachen // GIPh. 1895—1901. Bd. I. Abt. 1.
12. *Соколов С. Н.* Язык Авесты // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
13. *Watkins C.* Indogermanische Grammatik. Bd III: Formenlehre. I. Teil: Geschichte der Indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969. S. 46.
14. *Рокорну Ж.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern — München, 1959.
15. *Оранская Т. И.* Местоимения и элементарные числительные // ИАН СЛЯ. 1984. № 1. С. 58—59.
16. *Morgenstierne G.* Indo-Iranian frontier languages. V. I. Parachi and Ormuri. Oslo, 1929. P. 346, 407.
17. *Копов С.* Saka studies. Oslo, 1932. P. 50.
18. *Ефимов В. А.* Язык ормури (в синхронном и историческом освещении). М., 1986.
19. *Brugmann K.* Die Demonstrativpronomina der indogermanischen Sprachen // Abhandl. der philol.-hist. Kl. der Königlich-Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1904. Bd. XXII. № VI.
20. *Geiger W.* Kleinere Dialekte und Dialektgruppen // GIPh, 1898—1901. Bd I. Abt. 2. S. 417—423.
21. *Оранский И. М.* Введение в иранскую филологию. М., 1960. С. 350—351.
22. *Оранский И. М.* Иранские языки. М., 1963. С. 63, 180—181.
23. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.
24. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981.
25. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Западная группа, прикаспийские языки. М., 1982.
26. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987.
27. *Цаболов Р. Л.* Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978. С. 27—28.
28. *Лившиц В. А., Хромов А. Л.* Согдийский язык // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 456—457.
29. *Боголюбов М. Н.* Личные местоимения в хорезмийском языке // Уч. зап. ЛГУ. 1962. Сер. востоковедч. наук. № 306. Вып. 16. С. 14—15.
30. *Meillet A.* La déclinaison et l'accent d'intensité en perse // JA. 1900. T. 15.
31. *Gauthiot R.* De l'accent d'intensité iranien // MSL. 1916. T. 20. Fasc. 1.

32. *Иванов В. Б.* О персидском словесном ударении (экспериментальное исследование) // Вестник МГУ. 1972. Сер. востоковедение. № 2.
33. *Иванов В. Б.* О тоническом компоненте персидского словесного ударения // Вестник МГУ. 1977. Сер. 13. Востоковедение. № 2.
34. *Хаскашев Т. Н.* Фонетическая природа словесного ударения в современном литературном таджикском языке. Душанбе. 1983.
35. *Дыбо В. А.* Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии // Балто-славянские исследования. М., 1974.
36. *Ефимов В. А.* О некоторых архаических чертах морфологической структуры презенса в ормури // Совещ. по вопросам диалектологии и истории языка: Тез. докл. и сообщ. М., 1979.
37. *Додылудова Л. Р.* История основ шугнанского глагола: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. С. 34, 41, 76—77.
38. *Эдельман Д. И.* К характеристике общеиранской акцентной системы // Иранское языкознание. Ежегодник 1981. М., 1985.
39. *Пирейко Л. А.* Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.
40. *Эдельман Д. И.* К субстратному наследию Центральноазиатского языкового союза // ВЯ. 1980. № 5.
41. *Эдельман Д. И.* К взаимодействию языковых уровней в истории иранских языков // Иранское языкознание. Ежегодник 1982. М., 1987.
42. *Эдельман Д. И.* О конструкциях предложения в иранских языках // ВЯ. 1974. № 1. С. 25—29.
43. *Соколова В. С.* Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. Л., 1973.
44. *Грюнберг А. Л.* Мунджанский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987. С. 213.
45. *Соколова В. С.* Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967. С. 56—62, 93.
46. *Боголюбов М. Н.* Ягнобский (новосогдийский) язык. Исследование и материалы: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1956. С. 21.
47. *Хромов А. Л.* Ягнобский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: Восточная группа. М., 1987. С. 681—683.
48. *Kent R.* Old Persian. New Haven, 1950. P. 99.
49. *Елизаренкова Т. Я., Топоров В. Н.* Язык пали. М., 1965. С. 150—155.
50. *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949. С. 75—80.
51. *Абаев В. И.* О языковом субстрате // Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР. 1956. Вып. 9.
52. *Абаев В. И.* Armeno-ossetica (Типологические встречи) // ВЯ. 1978, № 6.